

УДК 316.75

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д.В. Родичкин

ФГБОУ ВО «Московский государственный областной университет»,
г. Москва

Период конца XIX – начала XX вв. был насыщен событиями и идеями, существенно повлиявшими на формирование облика современного мира. Поскольку литература всецело характеризует свою эпоху, отражая характерные идеи и особенности быта и нравов того общества, в котором создаётся, в статье предпринята попытка продемонстрировать объективное влияние художественной литературы и общепризнанных национальных ценностей на процесс формирования национальной идентичности с учётом особенностей восприятия обществом своего исторического наследия.

Ключевые слова: *идеи, идеология, литература, история, историческое наследие, национальная идентичность, национальная идея, национальные ценности.*

Вопрос актуальности и необходимости идеологии в современном мире вызывает в настоящее время столь же оживлённые дискуссии в обществе, что и прежде. Однако вопрос, по своей сути, не в том, нужна ли идеология государству и обществу, а в том, какая именно идеология лучшим образом отражает потребности большинства граждан.

Государство, как большая социальная группа, неизбежно должно иметь определённую идеологию, поскольку она, как известно, это система идей, выражающая коренные интересы определённой социальной группы и побуждающая людей к конкретным социальным действиям. Именно государство выражает и защищает общенациональные интересы, регулирует с помощью правовых норм всю совокупность социально-политических, экономических, национальных и семейных отношений, способствуя тем самым стабилизации и развитию общества.

В идеологиях находят своё выражение отношения общностей, социальные проблемы, конфликты и коренные интересы, побуждающие людей к конкретным социальным действиям. Единое национальное общество обязательно будет обладать общей идеологией, а большинство его членов чувством национальной идентичности. Для того чтобы разобраться в том, как возникает национальная идентичность, необходимо разграничить такие понятия, как национальная идея и национальная идеологии, а также дать им чёткое определение.

Очевидно, национальная идеология – это система идей, выражающая и защищающая интересы и ценности нации в сфере государственной власти. Она выступает духовной основой национальных поли-

тических движений, вырабатывает программу обеспечения культурной самостоятельности и свободы нации, задаёт цели политического поведения граждан на основе их национальной идентификации. Тогда как национальная идея – систематизированное обобщение национального самосознания в его надвременном бытии, представленное чаще всего в форме социально-философских или общественно-политических текстов. Суть национальной идеи составляет проблема смысла бытия данного народа-этноса, затрагивающего вопросы о «начале» исторической судьбы народа, его генетических истоках, историческом будущем, целях его существования, исторической и культурной миссии, фундаментальных ценностных установках, его месте в мире, отношениях с соседями, основаниях его уникальности, особенностях национального характера. Национальная идея имеет исключительное значение для процесса формирования идентичности нации, но нельзя забывать и об обратном: обретение национальной идентичности новыми молодыми поколениями неизбежно приводит к корректировке национальной идеи.

Каждый этап существования государства имеет свои характерные политико-экономические обстоятельства и определяет особые идеологические установки, но всегда существует преемственность национальной идеи, которая, хотя и подвергается неизбежной трансформации, всегда обеспечивает стабильность общества, легитимность властных структур и государственную целостность. Однако масштабные государственные потрясения неизбежно нарушают преемственность идеологических установок, затрагивая все аспекты бытия социума. В подобные периоды трансформации общества и социальных отношений для формирования и поддержания социальной субординации значимым аспектом является обновление существующих и изобретение новых традиций. В частности, как показывает история, в виде государственных праздников и публичных церемоний, связанных с почитанием национальных героев и символов. [10, с. 107–127.] Подобная практика сохранения и переосмысления национальных ценностей, обеспечивающих национальную идентичность, как следствие, ведёт к сплочённости нации не только в политическом, но и в культурном смысле, что в свою очередь поддерживает единство и стабильность государства как такового.

Разного рода ценностные установки возникают и развиваются в тесной связи с той культурной средой, в которой воспитывается человек. В процессе своего развития и формирования личности человек усваивает символы, идеи, традиции, привычки и обычаи, имеющие сходное значение для всех членов социальной общности. Заметим, Э. Дюркгейм полагал, что «общество есть синтез человеческих сознаний», а религия, выполняет интегрирующую, регулирующую и организующую роль в обществе [6, с. 225]. Общество – одновременно и субъект и объект религиозного культа и догматов, оно и бог, и верующий одно-

временно. Впрочем, схожим образом можно характеризовать и идеологию. На уровне индивида приверженность определённой идеологии и, следовательно, принадлежность определённой социальной общности, разделяющей эту идеологию, способствуют возникновению чувства уверенности и социального благополучия.

Для того чтобы убедиться в истинности данного утверждения, проследим, как именно возникают определённые ценностные установки. Очевидно, осуществляя практически преобразовательную деятельность, человек не только воспроизводит и формирует определённую культуру, но и преследует определённые цели, стремясь удовлетворить конкретные потребности. Потребности – объективно побудительные причины любой деятельности. Осознанные потребности социальных групп выступают как интересы. В свою очередь интересы – это в большей степени субъективная сторона потребностей, для которых непосредственно реализуется поиск их удовлетворения. Данный поиск соответствующим образом мотивирован, поскольку мотив предшествует волевому акту и позволяет увидеть цель действия субъекта, а также более обоснованно судить о содержании и характере потребностей. В мотивах на основе интересов выделяются приоритеты, самые существенные, важные и значимые из которых выступают для субъекта в качестве ценностей [8, с. 31–36].

Таким образом, ценности, как идеи и идеалы, не являются плодом воображения субъекта. Их невозможно придумать и насильственно внедрить в общество, поскольку несуществующие потребности не требуют удовлетворения. Следовательно, ценности – наиболее значимая часть духовной культуры народа, его системообразующий стержень, могущий выступать в качестве фундамента общенациональной идеологии. Однако для того чтобы иметь возможность опереться на эти ценности, в периоды масштабных социальных трансформаций и политических потрясений, необходимо не только знать историю народа, его язык и культуру, но также чётко представлять, какие именно ценности составляют суть нации и основы её самосознания. Искусственное, насильственное привнесение чужеродных традиций и норм поведения неизбежно сталкивается с неприятием и отторжением, чему масса подтверждений в истории.

Исследователи редко сходятся в том, какие факторы играют решающую роль в формировании национального самосознания – расовая, этническая принадлежность, язык, культура, религиозные убеждения или географические границы. Единственным пунктом, как правило, не вызывающим разногласий, является важность истории в формировании национальной идентичности. Регулярность, с которой исторические события изобретаются, скрываются, подвергаются новым толкованиям или искажаются, свидетельствует о главенствующей роли прошлого в концептуализации нацией настоящего. Можно сказать, что своеобраз-

ное понимание истории — составная часть национального самосознания. То есть миф об общих национальных истоках с его пантеоном героев — ключ к формированию ясно выраженного чувства национальной идентичности. [13, с. 213].

В то же время, по мнению таких теоретиков, как Б. Андерсон, Э. Геллнер, М. Хрох и Э. Хобсбаум, печать и народное образование играют не менее важную роль в распространении национального самосознания во всем обществе – от социальных элит до народных масс. Подобного мнения также придерживаются Т. Иглтон и Д.Л. Бранденбергер. Рассматривая «национальное пробуждение» в большинстве стран Европы в течение второй половины XIX столетия, Андерсон определяет процесс формирования нации как процесс, при котором огромное разобщённое скопление индивидуумов, зачастую не объединённых ничем, кроме общего языка, побуждается к «воображению» себя национальным сообществом [1], чему в значительной мере способствует литература.

Для подтверждения этих тезисов обратимся к истории становления индустриального общества, связанной с ожесточённой политической борьбой между представителями феодально-абсолютистской власти и представителями формирующегося класса капиталистов. В западноевропейской политической культуре данного периода всё большее практическое значение приобретала идеология, активно продвигаемая всеми доступными средствами. Тогда же впервые возник сам термин «идеология». Значительная роль в процессе пропаганды идей тогда, как и сейчас, отводилась литературе, традиционно выполняющей ряд социально значимых функций. Литература выступает носителем идеологии, средством идеологического воздействия, идеологическим идентификатором и полем идеологического противоборства, а также даёт нравственную оценку представляемой идеологии.

Значение литературы в деле формирования и распространения национального самосознания можно отчётливо проследить на примере Англии. Джордж Стюарт Гордон, один из первых оксфордских профессоров английской литературы, отмечал в своей инаугурационной лекции в начале XX столетия, что «Англия больна и ... английская литература должна её спасти. Церковь (насколько я знаю) в упадке, а общественные меры едва действуют. У английской литературы теперь тройная функция: по-прежнему, я полагаю, просвещать и обучать, но также, и прежде всего, спасти наши души и исцелить Государство» [7, с. 27]. Однако подобная ситуация сложилась не в одночасье, а имела предпосылки развития в предыдущих столетиях.

Так, к XVIII в. страна вышла из кровавой гражданской войны, обнажившей острое классовое противоборство, поколебленной, но целой, и в стремлении восстановить пошатнувшийся социальный порядок. Термин «литература» в тот период покрывал весь корпус создаваемых в

обществе текстов: тексты по философии и истории, размышления и письма входили в него на тех же правах, что и стихи. Произведение считалось «литературным» не за счёт того, что зиждилось на вымысле – XVIII в. серьёзно сомневался в том, была ли новомодная форма романа в полной мере литературой, – но за счёт своего соответствия определённым стандартам «изящной словесности». Иными словами, критерий того, что считать литературой, был откровенно идеологичен: письмо, воплощавшее ценности и «вкусы» определённого класса общества, квалифицировалось как литература, в то время как фольклорные произведения и народные песни к ней не относились.

Ключевыми элементами в процессе восстановления социального порядка в Англии стали присущие классицизму представления о разуме, природе, порядке и приличиях, воплощённые в произведениях искусства. Данное обстоятельство связано с тем, что эстетика классицизма по самой своей сути придавала огромное значение общественно-воспитательной функции искусства при обязательном следовании строгим канонам жанра, являя непременные стройность и логичность художественного произведения. Тогда же в обществе возникла необходимость вовлечь средний класс, становившийся все более могущественным, но ещё остававшийся довольно рыхлым духовно, в союз с правящей аристократией, чтобы распространять в обществе изящные манеры, привычки «надлежащего» вкуса и общие культурные стандарты. В указанных обстоятельствах литература приобрела новое значение и вобрала в себя все существовавшие институции: периодические издания, трактаты по общественному устройству и эстетике, проповеди, классические переводы, справочники хороших манер.

К началу XIX в. на смену классицизму приходит романтизм, переносивший внимание с устройства идеального государства и общества, основанного на рациональном понимании природы человека, на противопоставление современного бездушного буржуазного общества прежним общественным отношениям. Поводом для обращения к подобной проблематике в литературе и подаче через литературные произведения идей свободы посредством обращения к природе и воспевания простых естественных чувств было то обстоятельство, что ранний промышленный капитализм разрушал традиционные сообщества, превращая жизнь представителей недавно возникшего рабочего класса в наёмное рабство, усиливавшее отчуждение труда. Естественно, что рабочие отвечали на подобное угнетение активным протестом. И в этом случае литература романтизма стала одним из тех немногих приютов, где прославлялись и укреплялись творческие ценности, утраченные английским обществом под воздействием промышленного капитализма. «Творческое воображение» может быть представлено в виде неотчуждённого труда, интуитивное, трансцендентальное измерение поэтического сознания способно обеспечить живую критику тех рационалистических и эмпирических

идеологий, которые подчинены «фактам» [7, с. 24–25]. Большинство крупных поэтов романтизма были политическими активистами, сознавая, что литература и общественные взгляды скорее дополняют друг друга, чем находятся в противостоянии.

В то же время для того чтобы в полной мере использовать литературные произведения в деле распространения национальной идеологии требовалось развивать и реформировать образование. Предполагалось, что государственные элитные школы, связав средний класс с «лучшей отечественной культурой», дадут им «великий и благородный дух», позаимствовав кое-что из традиционного стиля аристократии, которая перестаёт быть в Англии господствующим классом, но при этом располагает идеологически необходимыми средствами. В то же время литература говорила бы народным массам о традиции, множестве мыслей и чувств, убеждая их признать, что, кроме их мнения, существует и иная точка зрения, а именно – точка зрения высших сословий. Это передало бы им нравственное богатство буржуазной цивилизации, внушило им почитание успехов среднего класса и сдержало бы в них любую разрушительную тенденцию к коллективной политической активности. Это внушило бы им чувство гордости за их национальный язык и литературу: если недостаток образования и долгие часы труда мешают им создавать шедевры лично, они могли бы получать удовольствие от мысли, что другие, такие же, как и они, тоже англичане, сделали это.

При этом немаловажным было то обстоятельство, что литература должна общаться с читателем на привычном и понятном ему языке. Английская словесность как академический предмет была впервые введена не в университетах, а в техникумах, колледжах для рабочих и в циклах лекций для дополнительного образования. Литература была, по сути, классическим образованием для бедных – способом дать самое дешёвое гуманитарное образование тем, кто не входит в узкий круг привилегированных лиц, получающих его в закрытых частных школах. Английская словесность, как определяет викторианское руководство для учителей английского языка, помогает «содействовать симпатии и чувству сплочённости между всеми классами».

Крайне существенным обстоятельством, приведшим к увеличению интереса к английской филологии в конце XIX в., было то, что религия постепенно перестала служить «цементом» из основанных на аффектах ценностей и исконной мифологии, который мог бы скрепить беспокойное классовое общество, и потому английская словесность конструируется как предмет, несущий эту идеологическую нагрузку. Не будь кризиса религии, не было бы в наше время такого изобилия литературных антологий. Поэт, культуролог и один из наиболее авторитетных литературоведов викторианской Англии Мэтью Арнолд писал: «Это серьёзное бедствие для нации, когда настрой её чувств и великолепие духа принижаются и тускнеют. Но бедствие становится серьёзнее,

если мы осознаем, что средние классы со всей их узостью, грубостью, невежественностью, непривлекательностью их духа и их культуры, почти непременно потерпят неудачу в формировании или поглощении тех масс, что находятся под ними и чьи симпатии в настоящий момент более широки и свободны, чем их. Они наступают, эти массы, жаждущие овладеть миром, чтобы придать более ясный смысл собственной жизни и деятельности. В этом их неудержимое развитие, а их природные учителя и направители – те, кто непосредственно над ними, средние классы. Если они не смогут заручиться их симпатией или дать им направление, общество окажется перед опасностью анархии» [12]. Коль скоро литература, как мы знаем, занимается больше универсальными человеческими ценностями, чем такими историческими мелочами, как гражданские войны, угнетение женщин или выселение английских крестьян, она сослужит рабочим хорошую службу в сохранении их жалкого состояния или усилении властного контроля за их жизнями. Схожие мнения сохранялись и в XX в.: «Откажитесь делиться с детьми рабочих духовным, и они, став взрослыми, потребуют коммунистического передела материального» [там же, с. 28]. Если не швырнуть массам несколько романов, они могут ответить швырянием камней с баррикад.

Люди, согласно учебнику по английской литературе, написанному в 1891 г., «нуждаются в политической культуре, иными словами, инструкции в том, как они должны относиться к Государству, к своим обязанностям в качестве граждан. Эти чувства им нужно внушать, опираясь на легенды, героические истории и патриотические примеры, приведённые для них живо, пылко и увлекательно» [7, с. 29]. Ставку в обучении делали именно на «английскую» литературу, на великих «национальных поэтов» Шекспира и Мильтона, на чувство естественной национальной традиции и идентичности, к которым каждый должен приобщиться через чтение литературных произведений. В итоге к началу XX в. подданные Британской империи обладали ясным чувством национальной идентичности, уверенные в своём культурном превосходстве, и демонстрировали развитые патриотические настроения к зависти жителей британских колоний и конкурентов на политической арене.

XX в., особенно 1914 г. с началом Первой мировой войны, выявил крайнюю нужду в чувстве национального предназначения и идентичности и в царской России. В сущности, у русского народа вплоть до середины 1930-х гг. не было единого чувства общего наследия и твёрдого знания славной истории страны с пантеоном полумифических героев-патриотов. По утверждению Б. Андерсона, именно такие притязания на древнейшее происхождение, поддерживаемые печатными средствами массовой информации и всеобщим образованием, мобилизуют «новые воображаемые сообщества». Повествования о правящих династиях, великих сражениях и героических подвигах на поле боя являются ключевыми для этих новых национальных историй, а сама история восприни-

мается в терминах «великих событий» и «великих вождей» [1, с. 108–109]. Подобные нарративы, их создание и популяризация были ключевыми аспектами консолидации национальных сообществ по всей Европе.

Безусловно, русский народ знал об исторических событиях прошлого страны и личностях, с ними связанных, особенно о «великих событиях» и «великих вождях». Однако из-за региональных вариаций такую осведомлённость не стоит ошибочно принимать за последовательное национальное самосознание на массовом уровне. Противоречивые мнения о героях, системе образов и символах, в конце концов, скорее разобщают, чем объединяют. Данное обстоятельство в значительной мере лишало царскую Россию чувства общего наследия, столь важного для обретения массами чувства национального единства.

Неспособность властей чётко сформулировать национальную идеологию, понятную не только социальной элите и немногочисленному среднему классу общества, но и огромным народным массам, а также пренебрежение средствами пропаганды в деле распространения этой идеологии препятствовали возникновению в Российской империи столь же последовательного и ясного национального самосознания, а также патриотических настроений на государственном уровне. Существенное значение в данном процессе имела неспособность царского правительства в полной мере использовать инструменты печатных средств массовой информации и художественной литературы, активно реформировать и развивать народное образование и при необходимости прибегать к популизму.

Такие термины, как патриотизм и популизм, требуют некоторого разъяснения. Первый, в значении лояльности и преданности родине, является вдохновляющей идеей, а в большинстве случаев центральным элементом в попытке государства мобилизовать и сплотить массы, особенно в кризисных политических обстоятельствах. Популизм, в свою очередь, следует рассматривать как элемент политической кампании, который часто используется во время мобилизации народных масс. Это стиль пропаганды, используемой на массовом уровне, как правило, апеллирующий не к разуму человека, а к простейшим, базовым, зачастую низменным, чувствам и реакциям социума, что выражается в упрощении лозунгов и придании им эмоционального и иногда провокационного характера.

Напомним, что идеология «официальной народности» при Николае I, нашла свою каноническую формулировку в триаде «Православие. Самодержавие. Народность.», однако, будучи малообразованной, или вообще не получившей никакого образования, большая часть русскоговорящего населения империи с трудом могла представить себе большее политическое сообщество, чем то, что определялось их местными экономическими, культурными и родственными связями. Красноречивым

указанием на скромные масштабы «воображаемых сообществ» русских общин служит то обстоятельство, что средний крестьянин на рубеже веков плохо понимал, что такое «русскость». Он мыслил себя не как «русский», а как «вятский», «пермский» или «тульский» [4, с. 112, 115–116]. К тому же на тот период существовала тенденция идентифицировать себя через оппозицию к нерусским народам. При этом акцент внимания более сосредотачивался на отрицательных качествах других этнических групп, чем на собственных положительных чертах, среди которых, впрочем, чаще всего отмечалась способность стойко переносить невзгоды и тяготы жизни.

В данной связи неразвитое и непоследовательное национальное самосознание влекло за собой и отсутствие патриотических чувств у населения в отношении государства. Например, Л.Н. Толстой писал: «Я прожил полвека среди русского народа и в большой массе настоящего русского народа в продолжение всего этого времени ни разу не видал и не слышал проявления или выражения этого чувства патриотизма, если не считать тех заученных на солдатской службе или повторяемых из книг патриотических фраз самыми легкомысленными и испорченными людьми народа. Я никогда не слышал от народа выражений чувств патриотизма, но, напротив, беспрестанно от самых серьёзных, почтенных людей народа слышал выражения совершенного равнодушия и даже презрения ко всякого рода проявлениям патриотизма» [9, с. 52]. Хотя в целом у русского крестьянина и присутствовало желание воевать за родину, личная заинтересованность в происходящем на поле боя возникала у него, если только его родному краю угрожала опасность.

Подобные же свидетельства можно найти в воспоминаниях русских генералов Ю.Н. Данилова и Н.Н. Головина, утверждавших, что с точки зрения состояния боевого духа и национальной идентичности русская армия начала XX в. была необычайно плохо подготовлена к длительной изматывающей войне. У русских солдат отсутствовало понимание целей, ради которых они сражаются, равно как и осмысленное чувство патриотизма, которое позволило бы им переносить превратности судьбы и большие поражения.

Периодически со стороны политических деятелей царской России были попытки убедить правительство предпринять действенные меры к реформированию системы образования. Так, граф Н.С. Мусин-Пушкин, обращаясь к Министерству народного просвещения, призывал изменить «космополитический» уклон учебных программ российских школ на патриотический и «национальный» и выражал недовольство тем, что «мы, переняв из Германии все наши школьные порядки, всю нашу школьную систему, не переняли только одного – самого главного – их школьного духа, того живительного, национального, патриотического направления, которым проникнута вся немецкая школа» [2, с. 21–22]. Причём особое внимание предлагалось обратить на преподавание

истории Российского государства, прививая любовь к историческому прошлому, составляющему культурную ценность народа, гордость за великие былые свершения, преданность престолу и отечеству. В свою очередь Н.В. Дмитриев в 1913 г. утверждал, что проблема, по существу, заключается во введении в школах более последовательного и недвусмысленного исторического нарратива, ориентированного на подъем национального духа. В японских, французских и немецких учебниках национальное прошлое описано в одобрительных и вдохновляющих выражениях, тогда как в русских часто допускается двоякое толкование событий [5].

Как бы то ни было, после начала войны царское правительство всё-таки предприняло определённые действия, стремясь изменить сложившееся положение и выработать более точное и последовательное понятие о том, что значит быть русским. Однако ощутимого результата не последовало – слишком мало усилий было приложено, слишком несогласованными были эти усилия и слишком поздно начата работа. Незрелость государственной пропаганды во время Первой мировой войны привела к тому, что у русского общества не возникло согласованного набора символов, вокруг которого могло бы сформироваться чётко сформулированное групповое самосознание. В данном ключе последовавшая смена власти неудивительна, поскольку «истинный авторитет власти создаётся сочетанием веры масс в то, что эта власть осуществляет идеи, соответствующие желаниям этих масс, и веры в то, что эта власть обладает реальной силой» [3, с. 228].

Чувство национальной идентичности было слабым и непоследовательным при царском режиме, подобное же положение сохранялось в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. Формирование национального самосознания – это не спонтанный или неизбежный процесс; более того, изначальная приверженность советского режима пролетарскому интернационализму в действительности препятствовала вызреванию чувства русской национальной идентичности [2, с. 25].

Впрочем, в начале 1930-х гг. партийное руководство было всерьёз озабочено государственным строительством, массовой мобилизацией и обретением легитимности. Неудовлетворительные результаты идеологической работы предшествующего десятилетия подтолкнули правительство советского государства к русоцентризму как к популистской идеологии. Данный курс был не просто способом мобилизовать русскоговорящее общество на индустриализацию и войну: он обозначил собой преобразование советской идеологии – молчаливое признание превосходства популистских и даже националистических идей над прежней пропагандой, построенной вокруг принципов утопического идеализма. Прагматичное использование русских национальных героев, мифов и системы образов для популяризации господствующей идеологии яви-

лось реализацией стратегии, рассчитанной на мобилизацию массовой поддержки режима любыми средствами.

В большей степени агитационная кампания опиралась на книги и иллюстративные материалы. Огромными тиражами появлялись произведения об истории партии и альбомы с картинками, подробно описывающие героические подвиги на стройплощадках и предприятиях, в том числе и в союзных республиках. Размывалась граница между русской и советской историей, отражая тенденцию партийных лидеров считать себя одновременно и революционерами, и наследниками Российской империи. При этом многоэтническая история Российской империи трансформировалась в исторический нарратив, подчёркивающий господствующее значение русского народа в строительстве государства на протяжении всей истории, важность исконного государственного патриотизма и обороны страны.

В художественной культуре постепенно формировался стиль социалистического реализма, официально признанный в 1934 г. на всесоюзном съезде писателей. Литературные произведения воспевали достижения нового строя, подвергая жёсткой критике буржуазный мир. Прославление достижений народа, трудящегося на благо родины, стало одним из ключевых сюжетов, а главными героями стали шахтёры, сталевары, строители и труженики села. Коллективизации и индустриализации посвящены произведения Ф.И. Панфёрова, Ф.В. Гладкова, В.П. Катаева, М.С. Шагинян и пр., отражающие героизм трудовых будней. В то же время ряд писателей обратились к историческому жанру, позволяя по-новому взглянуть на известных исторических персонажей и их деяния. Яркие примеры – «Пётр Первый» А.Н. Толстого, «Цусима» А.С. Новикова, «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» Ю.Н. Тынянова. При этом в сознании читателей и совсем недавнее прошлое, и события давно минувших эпох постепенно сплетались в единое историческое повествование о наследии прошлого и величии настоящего, формируя чувство единства и создавая ощущение гордости за народ великой страны и его достижения.

Значительные усилия были приложены для повышения грамотности населения советских республик, а в школьных программах особый акцент делался на преподавание истории страны, партии и революции. Созданный в тот период «Краткий курс истории СССР» представлял собой повествование о «великих событиях» и «великих вождях», формируя «воображаемое сообщество», как назвал бы его Андерсон, от доисторических времён до сталинской конституции 1936 г. Учебник уделял беспрецедентное внимание изучению знаковых фигур старого режима — от военачальников до представителей правящей династии. Московские властители — Иван Великий и Иван Грозный — олицетворяли собой государственное строительство, последний к тому же символизировал важность бдительности для предотвращения бунтов и мя-

тежей. Многие элементы нарратива вращались вокруг темы обороны страны: победа Александра Невского в 1242 году над тевтонскими рыцарями, Куликовская битва 1380 г., изгнание из Москвы поляков Мининым и Пожарским в 1612 г. и т. д. [2, с. 68].

Как это ни странно, выбор имперского ореола и русской национальной системы образов оказался наиболее подходящим способом мобилизовать патриотические настроения и лояльность на массовом уровне и обеспечил успех в том, чего не удалось осуществить царскому правительству. Партийные верхи и творческая интеллигенция советской России не только синтезировали противоречивый корпус традиционных мифов, легенд и фольклора в согласованное, упорядоченное «полезное» прошлое, но и популяризировали этот нарратив через государственное образование и массовую культуру. Другими словами, хотя Сталин и его окружение намеревались продвигать лишь патриотическое чувство лояльности партии и государству, их подход к массовой мобилизации способствовал ни больше, ни меньше, как формированию русского национального самосознания в советском обществе. Это новое чувство идентичности оказалось крайне долговечным и пережило в 1991 г. распад самого СССР.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева под ред. С.П. Баньковской; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование национального самосознания (1931–1956 гг.) / пер. с английского Н. Алешиной и Л. Высоцкого. СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2009. 416 с.
3. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: в 2-х т. М.: Айрис-Пресс, 2011. Т. 1. 1272 с.
4. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Berlin: Слово, 1924. 394 с.
5. Дмитриев Н.В. Национальная школа. М., 1913. 185 с.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. 432 с.
7. Иглтон Т. Теория литературы: Введение / пер. Е. Бучкина под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 296 с.
8. Смирнов М.Г. К вопросу о развитии политических идеологий. Идеология натурализма // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2012. № 12. С. 31–36.

9. Толстой Л.Н. Христианство и патриотизм // Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 39. М.; Л.: Гос. Изд-во, 1956. С. 27–81.
10. Хобсбаум Э. Массовое производство традиций: Европа 1870–1914 // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре 2015. № 6 (104). С. 107–127.
11. Smith Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. 312 p.
12. Arnold M. The Popular Education of France // Super R.H. (ed). Democratic Education. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

ON THE ROLE OF LITERATURE IN SHAPING NATIONAL IDENTITY

D.V. Rodichkin

Moscow Region State University (MRSU), Moscow

The period of the late XIX – early XX centuries was full with events and ideas that significantly influenced the shaping of the modern world. Literature expresses the spirit of its era reflecting the distinctive ideas and features of everyday life and mores of the society in which it is created. In the article, an attempt is made to determine the influence of literature, national values and specific features of perception of the historical heritage on the formation of national identity.

Keywords: *ideas, ideology, literature, history, historical heritage, national identity, national idea and national values.*

Об авторе:

РОДИЧКИН Дмитрий Викторович – аспирант кафедры философии ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет (МГОУ)», Москва, E-mail: rodichkin.dmitriy@yandex.ru

Author information:

RODICHKIN Dmitriy Viktorovich – Ph.D. student of philosophy Dept., Moscow Region State University (MRSU), Moscow. E-mail: rodichkin.dmitriy@yandex.ru